

Раздел 4

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ, ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ

УДК 94(37)"303/339"(093.3)

А. С. Козлов

ЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОЧНИКИ ТРАКТАТА *VITA CONSTANTINI*

Статья сосредоточивает внимание на проблеме изменений в тексте и смысле трактата *Vita Constantini*, осуществленных автором, Евсевием, епископом Кесарийским в процессе написания. Рассматривается зависимость подбора Евсевием источников для этого трактата, от указанных изменений, от судьбы Евсевия и эволюции политической ситуации в Восточной Римской империи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Евсевий Кесарийский, *Vita Constantini*, Константин I, позднеантичная историография.

В предыдущей статье, посвященной уникальному историческому трактату *Vita Constantini* («Жизнь Константина», далее – *VC*)¹, принадлежащему перу Евсевия, епископа Кесарии Палестинской (ок. 260–339 г.) (одного из родоначальников жанра позднеантичной христианской хроники и жанра церковной истории) [см.: Кривушин, с. 11, 57–58; Burgess, Witakowski, p. 21–22], я разбирал в основном проблемы аутентичности этого жизнеописания. В связи с этим удалось найти дополнительные аргументы в пользу концепции о тесной связи рассматриваемой проблемы с эволюцией

¹ Ссылки на сочинения Евсевия сделаны по изданиям Ф. Винкельмана [Eusebius, 1975] и Э. Шварца [Eusebius, 1903–1909].

текста трактата, увязанной как с судьбой самого Евсевия, так и с изменением политической ситуации в Восточной Римской империи сразу после смерти в мае 337 г. героя сочинения, императора Константина I [см.: Козлов, с. 120–133].

Структура *VC* наводит на мысль, что Евсевий либо не закончил трактат, либо не раз менял его композицию. Также возможны оба этих варианта одновременно. По мнению Г. Паскуали, *VC* вначале была энкомием, начатым сразу после смерти Константина 22 мая 337 г., но превратилась в апологетический труд более широкого плана вследствие целого комплекса событий: «резни принцев» летом 337 г., возвращения из ссылки неукротимого Афанасия Александрийского и провозглашения Августами троих сыновей Константина 9 сентября [см.: Pascuali, p. 369–386]. Оставшийся незавершенным из-за смерти Евсевия (возможно, в мае 339 г., хотя Паскуали предлагает другую дату – 338 г.) трактат был опубликован, будучи снабжен заглавиями разделов (глав), выполненными редактором, возможно, епископом Акакием, преемником Евсевия на кафедре. Т. Барнс предполагает обратный порядок написания *VC*, апеллируя к хронологической последовательности включенных в сочинение документов, появляющихся там после рассказа Евсевия о победе его героя над Лицинием в 324 г. и поэтому позволяющих говорить об авторе как начавшем вскоре после этой даты собирать материал для *narrative history* [см.: Barnes, 1989, p. 94–123; Barnes, 1994, p. 1–11; ср.: Cameron, 1997, p. 245–274]. Барнс справедливо указывал, что трактат следует изучать с учетом текстов других сочинений, выполненных в последние годы жизни Кесарийца. Помимо хорошо известных *De laudibus Constantini* (далее – *LC*) и *De sepulcro Christi* (далее – *SC*; сам текст этого «слова», к сожалению, до нас не дошел) к ним причисляются полемическое «слово» «Против Марцелла» и «Церковная теология», мотивированные возвращением из ссылки одного из церковных оппонентов Евсевия [ср.: Barnes, 1981, p. 264–265]. С другой стороны, потребность в более формализованной оценке ситуации возникла позже, в связи с тридцатой годовщиной правления и последующей смертью Константина, а не на более ранней стадии. Следует учесть и аргумент Г. А. Дрейка (построенный в основном на анализе книги IV

«Жизнеописания»), согласно которому *VC* была задумана в 335 г., и автор сначала собирал для нее материал при поддержке императора, когда пребывал в Константинополе в 336 г. [см.: Drake, p. 20–38]. Действительно, в *VC*, IV, 60–72 описываются последняя болезнь, крещение, смерть и похороны Константина, и на этом основании зачастую делается вывод, что трактат в целом не был завершен после смерти императора [см.: Ibid., p. 20–21; ср.: Cameron, 1983, p. 87]. Как бы то ни было, хотя из-за обозначений сыновей Константина Августами (во введении и заключении трактата) возникает мысль о датировке финала труда временем после 9 сентября 337 г., это могли быть дополнения к уже законченной рукописи или к рукописи еще продолжающейся [*VC*, I, 1.3; IV, 62.2; ср.: Taglia, p. 15]. Что касается *terminus ante quem* для датировки окончательного прекращения над работой, то это, конечно, кончина Евсевия в мае 339 г. [см.: Barnes, 1981, p. 263]. К какому бы жанру не относить трактат, рассказ в книгах 1–3 построен по хронологическому принципу, и, несмотря на неряшливость монтажа отдельных сюжетов, книга 4 продолжает этот рассказ до описания смерти Константина и его похорон. Примечательно, что в то время как стандартная панегирическая тематика вновь возникает в книге 4, именно ранние разделы *VC*, описывающие правление Константина до победы над Лицинием включительно, демонстрируют близость к сюжетам, имевшим место в «Церковной истории» Евсевия (*Historia ecclesiastica*, далее – *HE*) и выполненным в самом формальном панегирическом стиле, ведь пока Константин управлял Западом, Евсевий не был лично знаком с императором, не имел серьезного доступа к официальным документам, и поэтому его зависимость от собственного более раннего повествования, отраженного в *HE*, была больше. В такой же степени сильным было его желание скорректировать эти строки – новыми интерпретациями и риторическими узорами. Однако с раздела *VC*, II, 19 переработка текста значительно углубляется: формальных панегирических элементов становится меньше, а сравнений Константина с Моисеем больше нет; с другой стороны, начинается включение в повествование текста документов, что является одной из особенностей *VC*. Такое изменение в природе рассказа совпадает с информацией автора о Никейском

соборе (325 г.), когда, вероятно, состоялась первая личная встреча Евсевия с императором. Также следует отметить, что все документы, включаемые в повествование о событиях после 325–326 гг., за исключением письма к Шапуру (*VC*, IV, 9–13), или имеют прямое отношение к самому Евсевию лично, или были адресованы ему как епископу [Warmington, 1986, p. 93–98].

Очень спорен вопрос о том, какие разделы *VC* были написаны раньше других. Дрейк считал таковой книгу IV [см.: Drake, p. 30–31], но А. Камерон и С. Хэлл полагают это маловероятным, ибо книги I–III и особенно I–II стилистически и композиционно более совершенны [см.: Cameron, Hall, p. 11]. Книга IV демонстрирует признаки пребывания Евсевия в Константинополе в 335 и 336 гг. Здесь есть несколько ссылок автора на самого себя и упомянуты *orationes*, написанные Евсевием в честь освящения храма Гроба Господня в Иерусалиме в 335 г. и в честь триценналий Константина в 335–336 гг. (*VC*, IV, 34, 45, 46]. В разделах *VC*, IV, 32, 46 Евсевий заявляет о своем намерении включить эти тексты в *VC* [ср.: Barnes, 1977, p. 341–345], и поэтому логично рассматривать эти работы как созданные близко друг к другу по времени. Мало того, разделы *LC*, 18. 1–3; 11. 7 вместе с характером упоминания *SC* позволяют предполагать, что Евсевий думал о создании исторического труда о Константине, когда писал эти пассажи. В разделах *VC*, IV, 7 и 50 он апеллирует к личным наблюдениям в Константинополе, а анекдотический материал этой книги (например, *VC*, IV, 30, а также информация о браке Констанция II в *VC*, IV, 49)² мог возникнуть опять-таки из личного опыта. Однако эти пассажи дают не больше чем *termini post quem* и лишь показывают, что пребывание Кесарийца в Константинополе повлияло на содержание этих разделов трактата, обогатив их личными деталями, отсутствующими в первых книгах. Достаточно упомянуть об описании появления императора при открытии Никейского собора и выразительных деталей званого обеда, на который были приглашены епископы по окончании собора, – такая информация, как явствует ее литературный

² Дрейк относит эту информацию к дополнительному визиту Евсевия в столицу на Пасху 337 г. [Drake, p. 25–27, 29].

контекст, проистекала из личного опыта Евсевия (*VC*, III, 10, 15). Однако Тирский собор 335 г., проходивший под председательством самого Евсевия и сославший Афанасия, а также эхо на решения этого собора в Константинополе упомянуты трактатом довольно бегло (*VC*, IV, 41), но ясно, что и в этом вопросе политика Константина и позиция самого Евсевия нуждались в защите, и Дрейк резонно утверждает, что и в данном случае Кесариец как-то отражал мнение императора. В любом случае возвращение Афанасия на кафедру после смерти Константина в 337 г. делало обновляемую апологию покойного безусловным императивом.

По крайней мере ясно, что раздел IV, 68 был написан после «убийства принцев» летом 337 г., ибо в нем нет ни слова о возвышении незадачливых Далмация и Ганнибалиана, которое имело место тогда же, когда распределялись посты и титулы для сыновей Константина [см.: *Origo*, 354; ср.: Григорюк, с. 157], а впечатляющая церковная эмфаза в трактате, особенно – акцент на законности соборов, может объясняться опасностью, вызванной реабилитацией Афанасия и Марцелла, для самого Евсевия и для его взглядов на церковные дела. Однако самое многозначительное – это вводные и заключительные разделы трактата, отстаивающие идею продолжения новым режимом политики Константина, представляя последнего как все еще правящего с небес через своих сыновей на земле, тем более что отец Константина, Констанций Хлор, изображался в латинских панегириках как здравая личность, радующаяся с небес тому, как правят его сыновья [*Pan. Lat.*, VII (6), 14.3–4].

Хотя Евсевий, будучи христианином, начинал свой трактат как панегирик в совершенно традиционной для поздней античности манере, но события лета 337 г. создали совершенно новую обстановку и породили потребность оправдать политику Константина, а также продемонстрировать истинность ее интерпретации Евсевием [см.: *Cameron, Hall*, p. 27–34]. Новые Августы показали, насколько они могут быть безжалостными, и, безотносительно личных опасений относительно сформировавшегося троецарствия, в интересах Евсевия было выказывать убеждение в продолжении гармонии и преемственности политики Константина, в то же время

продвигая собственное толкование этой политики. Видимо, в конце 337 г. будущее империи Вторых Флавиев выглядело совсем небесспорным.

Трактат Евсевия, конечно, апологетичен, но у него, возможно, был не столько один объект, сколько разные цели, которых он мог достичь только по мере прояснения развивающейся ситуации, – отсюда проистекали разные стадии формирования *ИС*. Кесариец не был бог весть каким политизированным писателем, и не следует предполагать, что со всеми невзгодами можно было свести сче-ты, просто оставив сочинение незаконченным. Более вероятно то, что он превращал свой труд в «зерцало для принцев», давая сыновьям Константина ненавязчивый совет, отсюда понятно, что трактат увеличивался в объеме в некоторой спешке, дабы удовлетворить специфике момента.

Сложность ситуации с эволюцией трактата порождала сложности с подборкой источников. Индекс «используемых» в *ИС* сочинений, великолепно составленный таким издателем трактата, как Ф. Винкельман [Eusebius, 1975, s. CLV–CLVII], содержит 40 отрывков из Библии, 8 юридических текстов, 8 литературных текстов и 39 отрывков из собственных работ Евсевия. Отдельный список документов, содержащихся в *ИС* в том или ином виде и приписываемых Константину [см.: Ibid., s. CCXXX], добавляет 6 названий к библейскому ряду, 2 – к группе сочинений Евсевия и 2 – к прочим. Евсевий, как показывают его «Церковная история», «Приготовление к Евангелию» и «Доказательство в пользу Евангелия», был опытен в документировании истории. В *ИС* он рассматривает документацию, рожденную Константином, в своем роде непосредственно сравнивая ее с уже препарированными им источниками своих прежних работ [см.: Grant, p. 22–32], при этом нарратив приводится со слов Константина, после чего демонстрируется сам документ. Однако большая часть исходного материала была облечена в рассказ или риторическую прозу без уведомления о характере источников. Особенно это заметно, когда используются какие-то его собственные прежние сочинения и еще больше – труды, аутентичность которых лишь предположительна.

Поэтому неудивительно, что индексы Винкельмана хотя и очень важны для изысканий в тексте трактата, но в некотором отношении вводят в заблуждение и неполны. Некоторые из ссылок Евсевия на его источники были сделаны ради самих ссылок, а не для подтверждения каких-то тезисов, – так, на Библию он ссылался более по традиционным моралистическим или риторическим мотивам, нежели как на источник для доказательств исторического плана. Кроме того, в самом повествовании из источников присутствует больше материала, нежели передано в перечне цитат и аллюзий; есть очевидные случаи формулировок, взятых из более ранних трудов Кесарийца, но не зарегистрированных в индексе.

Актуальные тексты, использованные Евсевием, можно классифицировать следующим образом.

А. Труды самого Евсевия

Наиболее существенные пассажи процитированы в *VC* с небольшими отклонениями от оригинала или вообще без оных, особенно – места из *HE* и из *LC*. В то же время имеют место серьезные вариативности ряда пассажей, примеры которых эффектно приводит Г. Хэлл [Hall. Eusebian..., p. 239–263; Hall. The Use..., p. 96–101]. *HE* информирует о кампаниях против Максенция, Максимина Дазы и (в спешно выполненной последней редакции) против Лициния. Этот материал включен и в *VC*, но с корректировками. В *VC* войско идет на Максенция со штандартом в форме креста, о котором нет речи в *HE*. Этот момент играет ведущую роль в новой редакции *VC*, I, 37.1. Значительно расширено описание кампании против Лициния – информацией очевидцев, легендой и материалом о штандарте (*VC*, II, 5, 6.1, 6.2, 10.2). Интересно и то, что некоторые особенности в описании деятельности Максимина Дазы, опущенные в *VC*, I, 58–59, всплывают в информации о Лицинии: уверения прорицателей и гадателей в рассказе о Лицинии (*VC*, II, 4; 2–4) напоминают *HE*, IX, 10.6; отступление Лициния на родную землю (*VC*, II, 11.1) также напоминает *HE*, IX, 10.6. Идея развязывания второй гражданской войны, более заслуживающей порицания и трусливой,

не приписывается в *HE* Лицинию, в отличие от *VC*, II, 11–12, но может рассматриваться как заимствованная нашим трактатом из соответствующего раздела «Церковной истории», касающегося Максимиана (*HE*, X, 13–14). Все эти примеры однозначно наводят на мысль об осознанном и дотошном использовании автором своих более ранних текстов, и об осторожном их редактировании. К тому же перечисление преступлений Лициния (*VC*, I, 51–54) в значительной степени восходит к торопливо скомпилированному списку в *HE*, X, 8.10–11, но начало перечня изменено, дабы подчеркнуть запрет злодея на созыв епископальных соборов, о которых идет речь в *HE*, X, 8.14. Это отражает церковные проблемы 337–338 гг., когда соборным решениям восточноримских епископов стало угрожать восстановление на прежних кафедрах Афанасия и Марцелла. Кроме того, такая методика изложения соответствовала уважению Евсевия к соборам вообще.

В *VC*, III, 33 восстановление гробницы Христа и постройка церкви поверх нее описаны в словах, взятых из *HE*, IX, 16. Но сам рассказ изложен с идеей, что это – новый Иерусалим, предрекаемый в Писании, и отражает беспокойство Евсевия по поводу этого комплекса построек (*VC*, III, 25–40) и по поводу Иерусалимского собора (*VC*, IV, 41–47). Отсюда вытекает, что источник для текста в *VC*, IX, 16 не был замечен Винкельманом и его предшественниками.

Получается, что отчасти свою предыдущую работу Евсевий проделал впустую. Но, с другой стороны, он не использовал пассажи дважды, ибо при обращении к источнику точно фиксирует, где завершил выписку. Он не использует материал в том ракурсе, в котором подавал его ранее, но систематически извлекает то, что ему нужно, из разделов *HE*, VIII–X и *LC*, 8–9. Большая часть его явно не зависимо от прежних трудов материала может быть понята только как развитие того, что он писал раньше. То, что он не заимствовал или скорректировал, также должно зачастую восприниматься с учетом целей, поставленных перед *VC*³.

³ См., напр., случай парафразы мученичества Поликарпа (*HE*, IV, 15.1–14) или корректировки, явно выполненные на разных этапах написания *HE*, например, когда имя Лициния было вымарано в передаче декрета Галерия о веротерпимости, в то время как в последних главах добавлено о гонениях Лициния (*HE*, VIII, 17.3–4).

Можно указать на следующие разделы трактата, полностью или частично восходящие к *HE* и *LC*. Разделы *VC*, I, 13–18 и I, 22–24 используют материал *HE*, VIII, 13.10–14. *VC*, I, 33.1 следует за текстом *HE*, VIII, 14.1–2. *VC*, I, 33.2 следует за *HE*, VIII, 14.14 (ср.: *LC*, 7.7). *VC*, I, 34 следует за *HE*, VIII, 14.17. *VC*, I, 35–36 следует за *HE*, VIII, 14.3–6. *VC*, I, 37–40 следует за *HE*, IX, 9.2–11. *VC*, I, 40–41 частично следуют за *LC*, 9.8–9. *VC*, I, 41. 3 основана на *HE*, X, 5. 2–17. *VC*, I, 42 основана на *HE*, X, 5–7 (ср.: *LC*, 9.14). *VC*, I, 44–5 основана на документах *HE*, X, 5. 15–17. 2. *VC*, I, 47. 1 плотно следует за *HE*, VIII, 13. 15. *VC*, I, 48–50.2 следует за *HE*, X, 8. 1–6. *VC*, I, 50. 2–51. 1 следует за *HE*, X, 8. 7–8. *VC*, I, 52, 54 следует за *HE*, X, 8. 10–12. *VC*, I, 54. 2–56. 1 следует за *HE*, X, 8. 11–14. *VC*, I, 56. 2 следует за *HE*, X, 8. 9. *VC*, I, 57. 1–2 следует за *HE*, VIII, 16. 2–4 и VIII, 17. 1. *VC*, I, 57. 3 основана на *HE*, VIII, 17. 1. *VC*, I, 58. 1–2 основана на *HE*, VIII, 14. 13–14 (ср.: VIII, 14. 8–9 и *LC*, 7. 7); *VC*, I, 58. 3 следует за *HE*, IX, 10. 2–4. *VC*, I, 58. 4–59. 1 основана на *HE*, IX, 10. 14–15. *VC*, II, 1. 1–2 следует за *HE*, X, 8. 2 (ср.: X, 9. 3). *VC*, II, 1. 2–3. 2 следуют за *HE*, X, 8. 14–9.3 (ср.: X, 9.5). *VC*, II, 16–18 основана на *LC*, 9. 8. *VC*, II, 4. 2–4, 11. 2 использует тему *HE*, IX, 10. 6. *VC*, II, 11. 1, возможно, следует за *HE*, IX, 10. 6. *VC*, II, 11. 2. 15–16, возможно, отражает *HE*, IX, 10. 1–4. *VC*, II, 19. 1, возможно, следует за *HE*, IX, 11. 1. *VC*, II, 19. 2–20. 1 следует за *HE*, X, 9. 6–8. *VC*, III, 26.5–7 следует за *HE*, X, 4.26–27. *VC*, III, 33 следует за *LC*, 9.16. *VC*, III, 41 следует за *LC*, 9.17. *VC*, III, 50 следует за *LC*, 9.14–15. *VC*, III, 54.4–55.4 следует за *LC*, 9.10–11. *VC*, IV, 17–19 отчасти следует за *LC*, 9.10–11. *VC*, IV, 40.1, возможно, следует за *LC*, 3.2.

Б. Государственная документация

Еще до написания трактата Евсевий включал документы Константина в текст *HE*, X, 54 [ср.: *HE*, X, 5. 2–14 (ср.: Lact., 48), 15–17, 18–20, 21–24; 6; 7], и в *VC* он приводит 15 раз их греческий текст, начиная с описания в книге II событий 324 г., произошедших после победы сего героя над Лицинием (*VC*, II, 24–42, 46, 48–60, 64–72;

III, 17–20, 30–32, 52–53, 60, 61, 62, 64–65, IV, 9–13, 35, 36, 42)⁴. Значительная часть этих документов – письма Константина, адресованные епископам и церквям; однако среди них есть три эпистолы к более пространным адресатам, а также письмо императора к шаху Шапуру (*VC*, II, 24–42; 48–60; III, 64–65)⁵. Из этих писем не менее семи были или адресованы самому Евсевию, или ему в компании с какими-то другими прелатами, или касались непосредственно его (ср.: *VC*, III, 60–62).

У эпистол довольно вариативное содержание – от сугубо личных вопросов до проблем высокой политики. Иногда Кесариец утверждает, что обладает оригиналами, подписанными императором (*VC*, II, 23. 3; 47–52), и некоторые из них якобы были написаны на греческом языке. Иногда документация делится автором трактата на латиноязычную и грекоязычную; в некоторых случаях у Евсевия, видимо, имелась латинская копия, которую он дает в переводе на греческий (*VC*, II, 23.1; 47.2; ср.: *HE*, VIII, 17). Латинизмы и проявления канцелярских оборотов и формул, особенно в документах, процитированных в книге II, законченной после победы над Лицинием в 324 г., подтверждают их официальное происхождение, даже при том, что элементы субъективизма и чувства императора, проскальзывающие в тексте, могли восприниматься как нечто необычное⁶.

Некоторые письма Евсевий подбирал специально – те, что касались проблем, в которые он был основательно вовлечен (например, епископальные выборы в Антиохии) (*VC*, II, 46; III, 61; IV, 35, 36; III, 60. 3). Другие, не менее серьезные, пришли к нему из Кесарии как митрополии, и он приводит их или потому, что они были широко известны среди церковной элиты, или потому, что затрагивали

⁴ О документах в *VC* см.: [Corcoran, p. 20–21]. В монографии основательно проанализированы природа, происхождение и стили императорской документации и законодательства, включая документы Константина, за период 284–324 гг.

⁵ Эти документы перечислены С. Коркореном в специальном приложении [Corcoran, p. 315–316]. См. также: [Silli, Nr 16, 17, 19]. О сходстве и различиях в информации писем и эдиктов см.: [Corcoran, p. 198–203]; о письме к Шапуру (*VC*, IV, 9–13) см.: [Ibid., p. 316; Silli, Nr 34].

⁶ На основании таких документов III. Пьетри предположил, что Евсевий делал выборку источников, призванных проиллюстрировать в напряженной атмосфере после мая 337 г. религиозные взгляды и политику Константина [см.: Pietri, p. 271–272].

сферу его юрисдикции, включающую и Иерусалим (*VC*, III, 17–20, 64–65; IV, 42; об Иерусалиме: III, 29, 2, 51. 1). Третью он раздобыл, скорее всего, с помощью благожелательно настроенных к нему должностных лиц (*VC*, II, 63; возможно, IV, 9–13). Он также цитирует надпись с пьедестала статуи Константина в Риме и текст солдатской молитвы, а также ссылается на речи и послания Константина (*VC*, I, 40. 1; IV, 20; III, 12, 22–4; IV, 29, 32, 55).

Все письма, кроме одного, имеют церковную и религиозную тематику⁷. Если какие-то из них и не адресованы самому Евсевию, но настолько касаются церковных дел, что попадание их в руки такого активного епископа, как Кесариец, вполне естественно. Среди этой документации есть даже фрагмент (возможно, извлечение) из письма персидского шаха (*VC*, IV, 9–13). Отсутствие в нем заголовка и формального приветствия предполагает, что Евсевий получил эксцерпт от неординарного источника, возможно, от какого-то чиновника или из текста какого-то отчета, вроде тех, что, очевидно, использовались для *VC*, IV, 1–7. Оригинал письма, по словам Евсевия, был на латыни (*VC*, IV, 9). Восемь писем относятся к 324–326 гг., среди остальных шесть посланий адресованы лично Евсевию, а значит, не нуждались с его стороны в усилиях для обретения их текста [см.: Barnes, 1989, p. 113]. Б. Уормингтон назвал в качестве вероятного поставщика Кесарийцу официальных документов и некоторой информации о таковых нотарию Мариана. Именно этого чиновника Евсевий с энтузиазмом хвалит в одном из разделов книги IV и, возможно, книги II (*VC*, II, 63, 73–76; IV, 44), что подразумевает наличие у нашего автора большего числа писем, нежели то количество, которое приведено или упомянуто в трактате [см.: Warmington, 1986, p. 93–98; ср.: Barnes, 1989, p. 113].

Сведения о дошедших до нас документационных и литературных трудах Константина в целом представил и проанализировал в своем фундаментальном исследовании Х. Дэрриес [см.: Dörries; ср.: Kraft, s. 160–201]. Он называет 56 писем и декретов, установленных по широкому диапазону литературных источников, в том

⁷ Данная документация перечислена Т. Барнсом с комментарием о весьма персональной выборке Евсевием такого материала, осуществленной в 325–326 гг., но не позже [см.: Barnes, 1989, p. 111–113].

числе по историческим трудам Евсевия, полемическим трактатам Афанасия и антидонатистскому собранию Оптата [Dörries, s. 16–128]. Из них 51 нарратив приписывается Константину лично или адресован на его имя. Все, за исключением одного, посвящены религиозной и церковной проблематике. Если и существовали аналогичные документы на иную тематику, не интересовавшую этих авторов, то они утрачены. Эти письма и декреты демонстрируют личную причастность их автора к их предмету. Константин, по мнению Дэрриеса, пишет как человек, полностью посвящающий себя церкви и Евангелию, как брат и коллега прелатов, с сильнейшим пониманием личной миссии и желанием служить Богу. Надо заметить, что последователи концепции Я. Буркхарда (отрицавшего, что Константин был искренним христианином), которые ранее считали многие из этих документов недостоверными, в наше время чаще оценивают рассматриваемые письма как или частично, или абсолютно подлинными (Н. Бейнс, Г. Лицман, А. Х. М. Джонс, Т. Барнс) [Tartaglia, p. 17–21]. Один из основных аргументов – необычно личный тон документации, рассматриваемый некоторыми как признак фальсификата, оказывается присущ довольно широкому кругу документов самого разного типа из этого комплекса источников, и было бы весьма странно, если бы официальные послания или декреты были подделаны в столь личной и несоответствующей нормам манере [см.: Seeck, s. 321–345]. Прокламируемые идеи и литературный стиль оказываются присущими не только письмам, но и другим документам, включая даже послания Константина в «Дополнении» Оптата [см.: Heikel, s. LXVI–CIII]. Кроме того, по стилю они отличаются от основного текста *VC*, в то время как в некоторых случаях, когда даже нет цитирования или ссылки, ясно, что Евсевий компилирует какой-то документ. И наконец, подлинность одного из наиболее подвергавшихся сомнению документов, письма в *VC*, II, 24–42, была блестяще подтверждена обнаружением части этого текста на официальном папирусе, современном или немного более раннем по отношению к письму, содержащемуся в *VC* [см.: Jones, Skeat, p. 196–200].

Кроме того, что Евсевий непосредственно цитирует документы, он использует их содержание, чтобы дать собственную трактовку событию, явлению или тезису. Например, информация в *VC*,

IV, 8 явно содержит нечто большее, нежели то, что есть в последующих строках (*VC*, IV, 9–13). Факт и обстоятельства посольства в Персию, оказывается, можно дедуцировать из самого существования этого письма, обмен дарами – из его дружеского тона, а сообщение о большом количестве христиан в Персии вывести из слов в *VC*, IV, 13. В другом месте трактата Константин представлен как «юноша ранних лет» при дворе тирана (*VC*, I, 12.1), возможно потому, что эта формулировка исходила из его собственных слов (*VC*, II, 51.1). Став императором и осваивая «наследие своего отца», Константин направился в Британию, «лежащую посреди Океана» (*VC*, I, 25.2), возможно, только потому, что, как говорит он сам, повел кампанию против сил зла, «начав от того британского моря и от тех мест, где, по некоей необходимости, определено заходить солнцу» (*VC*, II, 28.2), иначе говоря, «от пределов Океана» (*VC*, IV, 9). «Священнейшие законы», которым император призван служить (*VC*, II, 20–21), приводятся в трактате, скорее всего, в форме изложения официальных постановлений (*VC*, II, 30–41); возможно, эти постановления были отправлены на места параллельно распоряжениям, адресованным церквам, которые констатируются в трактате, но не описываются (*VC*, II, 23.2). И еще одно обстоятельство – в то время как с *VC*, I, 52 начинается описание гонений на христиан, заимствованное из *HE*, большая часть этой информации могла дедуцироваться из декрета о восстановлении веротерпимости (см.: *VC*, II, 30–38). Из всего этого вытекает, что послания Константина сами по себе могли дать материал для большинства значимых разделов текста, в пределах которого они находятся. Поэтому когда Евсевий утверждает, что изложил или суммировал материал определенных посланий и писем, не представленных в трактате, он, скорее всего, говорит правду [см.: Cameron, Hall, p. 19]. Однако подобные утверждения следует воспринимать осторожно, так как в конкретных случаях они могли основываться на правдоподобном казусе, а не на конкретной информации, оказавшейся в распоряжении автора. Так, при описании церковной смуты в Антиохии он воздерживается от приведения текста посланий императора к антиохийцам, ибо это, дескать, навлекло бы бесславие на осужденных [*VC*, III, 59.3–5]. Поскольку на момент работы Евсевия эти люди были еще живы, слова его заслуживают доверия, ибо данные

письма Константина, исходя из сказанного, к тому моменту изда- ны не были.

Х. Дэрриес, анализируя 150 законодательных актов Константи- на, взял их в основном из Кодекса Феодосия и, отчасти, из Кодекса Юстиниана; П. Силли привел полный список рескриптов, известных по нарративным источникам [Dörries, s. 162–208; Silli]. Ряд поста- новлений Константина отражен в надписях, например, эпитафиа- ка из Гиспеллума и Оркиста очень важна для понимания его рели- гиозной политики [см.: Ibid., s. 209–226; ILS, I, Nr 705; МАМА, VII, Nr 305].

Во многих местах *VC*, IV Евсевий прямо ссылается на рескрип- ты, не цитируя их. Они касаются отдыха в воскресенье (*VC*, IV, 18.2, 19–20; 23; ср.: CTh., II, 8.1; CJ, III, 12.1), предполагаемого запрета на языческие жертвы (*VC*, IV, 23; ср.: CTh., XVI, 10.2), отмены гла- диаторских игр (*VC*, IV, 25.1; ср.: CTh., XV, 12.1), отмены законов, наказывающих безбрачие (*VC*, IV, 26. 2–4, ср.: CTh., XVIII, 16.1), предполагаемого запрета евреям иметь рабов-христиан (*VC*, IV, 27.1; ср.: CTh., XVI, 9.1, позволяющий евреям держать рабов-хрис- тиян). Евсевий также упоминает утверждение Константином прак- тики неофициальных завещаний (*VC*, IV, 2.6; CTh., XVI, 2.4).

То, что мы видим в *VC*, часто не корреспондируется с текстом этих рескриптов в кодексах. Возможно, Евсевий не имел под рукой таких текстов или же исходил из достаточности своей осведом- ленности о них, а также из резюмирующих суждений иных интел- лектуалов. При использовании текстов он должен был давать им христианскую интерпретацию – или выборочным цитированием, или какими-то иными методами [см.: Warmington, 1993, p. 201–207]. Рассуждая об отмене законов Августа о безбрачии, он говорит, что Константин хотел поощрить девственность, т. е. пойти навстречу христианским аскетам. Однако ясно, что эта мера была лишь од- ной из сторон объемного эдикта в рамках семейного законодатель- ства [см.: Evans-Grubbs, p. 128–130]. Евсевий понимает, что этот закон касается крайне важного вопроса – о наследстве. В целом он сосредоточен на решениях Константина, получивших форму формальных и неофициальных посланий, в коих он видел раскры- тие благочестия своего героя, ибо у него не было цели сделать пол-

ный и беспристрастный обзор законодательства Константина [см.: Warmington, 1993, p. 206–207].

Иного рода аллюзии на такую рода деятельность императора есть в *VC*, I, 43 (о благодеяниях беднякам – ср.: *STh.*, X, 8.1), в *VC*, II, 45.1 (декрет, запрещающий сооружение кумиров, предсказания, колдовство и жертвоприношения), в *VC*, IV, 2–3 (изменения в законе о поземельном налоге), в *VC*, IV, 25.2–3 (запрет на практику женоподобных жрецов в Египте), в *VC*, 27.2 (о статусе постановлений соборов).

В. Светские исторические сочинения

В *HE* Евсевий апеллировал к авторитету ранних историков, особенно когда описывал страдания евреев (*VC*, II) со ссылкой на Иосифа Флавия и, возможно, с обращением к Диону Кассию и Аппиану (*VC*, IV, 2.1–5), однако этот материал, вероятно, дошел до него через сочинение какого-то автора-христианина, например, Оригена. Евсевий, возможно, был знаком со светскими историками, писавшими о скверных правителях типа Нерона (*VC*, I, 10), хотя более вероятно, что он просто отразил в данном пассаже шаблонную версию темы [см.: Barnes, 1989, p. 108–109]. Один из пассажей трактата предполагает, что Евсевий моральные «деяния» ставит выше, нежели военную или светскую историю, однако из *VC*, IV, 1–6 следует, что у него был-таки в руках какой-то светский источник, возможно, утраченная языческая «История» Праксагора, Евсевий мог его использовать для рассказа о кампаниях против Лициния, изложения письма Шапуру, описания законодательства (*VC*, II, 6.2, 10.4–12.2; IV, 8–12, 18–26). Возможно, он привлекал тексты панегириков как для похвал в адрес Констанция I (*VC*, I, 13–17), так и для описания благодеяний (*VC*, I, 43), однако явных следов сочинений Лактанция или *Panegyrici latini* в трактате нет.

Г. Библия как источник *VC*

В основном тексте трактата около 40 цитат из Библии и аллюзий на ее разделы, еще шесть – в документах, приводимых в *VC*. Эти цитаты и отсылки равномерно распределены между Ветхим

и Новым Заветом. Евсевий использует Писание прежде всего как типологическую базу – особенно при сравнении Константина с Моисеем [см.: Calderone, p. 18–22]. Кроме того, исполнение пророчества обеспечивает верификацию, во-первых, самого Писания, а во-вторых, Божественного провидения, которое ниспосылает, направляет и вдохновляет Константина. Отсюда – результат сражения с Максенцием – это исполнение пророчеств Моисея и седьмого псалма (*VC*, I, 38), а штандарт Константина, *labarum*, с монограммой Иисуса Христа – отражение слов Исаяи (*VC*, III, 3), в то время как храм над гробом Господним – есть Новый Иерусалим книги Откровения, 3:12; 21:2. Большинство аллюзий трактата относится к Ветхому Завету, однако список провинций в документах Никейского собора выполнен в соответствии со списком, данным в I Послании апостола Петра (*VC*, III, 7–8). Евсевий, кроме того, цитирует Писание в целях морального и религиозно-благочестивого комментария (*VC*, III, 42. 2; 58. 4). Он также приспособливает ссылки на Библию к языковой текстуре трактата, используя при этом неоплатоновскую лексику [см.: Cameron, Hall, p. 22].

Д. Цитирование светских трудов

В *VC* есть аллюзии на классические сочинения [Winkelmann, s. 156]. В одном разделе трактата можно уловить намек на «Киропедию» Ксенофонта (*VC*, I, 7), но сравнение какого-либо правителя с Киром было уже в то время риторической банальностью. В одном месте (*VC*, I, 17.2) Евсевий обращается к высказыванию о счастье – «чтобы и самому не терпеть огорчений, и другому не причинять их», – привлекая тем самым мысль Эпикура или просто расхожую пословицу. В замечании о болезни Галерия (*VC*, I, 57.2) можно увидеть ссылку на Платона («Законы», 959 с) или аллюзию на II Книгу Маккавеев (9 : 9); этот прием уже имел место в *HE*, VIII, 16.4, а также использовался Лактанцием [см.: Lact., 33]. Наконец, в некоторых разделах трактата можно увидеть аллюзии на Гомера (*VC*, II, 16.2; 43.5; III, 15.2; 54.6; IV, 7.1).

Е. Свидетельства очевидцев и слухи

Евсевий видел Константина «в юношеском возрасте», когда тот проезжал через Палестину с кем-то из сопровителей Констанция I (VC, I, 19), разговаривал с каким-то служащим из армии Лициния (VC, II, 5.5), слышал всякие толки о чудесах (VC, II, 6.1), был изрядно вовлечен в церковные споры и соборные дела (VC, II, 61–62; III, 4–15, 21; IV, 41, 59, 63–66). Декреты Лициния, видимо, повлияли на положение в Кесарийской епархии (VC, I, 51). Евсевий имел достаточно основательную информацию о повороте к истинной вере граждан полисов Констанция и Константина (VC, IV, 37–39). Евсевий лично был знаком со святыми местами в Палестине и особенно в Иерусалиме (VC, III, 25–47), где он в 335 г. наблюдал за церковным собором (VC, IV, 43–47). Власть Кесарийской митрополии распространялась и на Иерусалим, хотя Иерусалимский епископат стремился к автокефалии, а в перспективе – к приоритету в регионе (которого впоследствии достиг). Некоторые специалисты (Б. Рубин, Г. А. Дрейк, П. У. Уокер и др.) увидели эту тенденцию в некоей напряженности при описании Евсеем освящения храма Спасителя в Иерусалиме (VC, III, 45–46). Конечно, Кесариец проявлял глубокий интерес к святым местам и к трудам императрицы Елены в Палестине, обладал, скорее всего, персональной информацией об этом, как, возможно, и о разрушении языческих храмов, хотя эти данные, возможно, мешали его собственному толкованию происходившего (VC, III, 54–58). Он описывает портреты императора на монетах, на статуях (VC, IV, 15, 73), рассказывает об архитектуре и скульптурах Константинополя, который посетил в 335 и 336 гг. (VC, III, 3, 48–49, 54.2–3) и где наблюдал иноземные посольства (VC, IV, 7), а также, возможно, произнес речь перед императором и вручил ему ее текст (VC, IV, 29–33). Евсевий, очевидно, видел мавзолей, описанный в VC, IV, 58–60. Он был во дворце во время триценналий (VC, II, 1.1), где наблюдал бракосочетание Констанция (VC, IV, 49–50), хотя в этом месте его рассказ смешан с тенденциозной риторикой о сыновьях Константина (VC, IV, 51–52). Под конец данный материал отражает обстановку и сложности этапа после смерти Константина, особенно в разделах о лукавцах,

злоупотреблявших благостью императора, и о провозглашении Августами сыновей покойного (*VC*, IV, 54, 68). Версия трактата о крещении Константина перед смертью, о прощении с ним и похоронах (*VC*, IV, 60.4–71), вероятно, восходит к концепции духовенства Константинополя, епископ которого, Евсевий (ранее – Нико-медийский), был союзником Кесарийца [см.: Cameron, Hall, p. 23].

Евсевий не был близок к Константину. Возможно, он встречался с ним только на Никейском соборе и во время своих поездок в Константинополь. Но он утверждает, что ему показывали более позднюю версию штандарта – лабарума (*VC*, I, 31) и что он из уст самого Константина слышал рассказ о знаменитом видении перед битвой (*VC*, I, 27–30) и о чудесах, сотворенных христианским штандартом (*VC*, III, 6–10). Возможно, он лично слышал и рассказы об эффективности молитв, творимых солдатами и императором, а также рассказы о символике, наносимой на оружие этих солдат (*VC*, IV, 18.3–21), однако высока вероятность того, что все это – плод импровизированной устной традиции [ср.: Barnes, 1989, p. 114; Cameron, Hall, p. 24].

Таким образом, текст и частично идея *Vita Constantini* не просто изменялись по мере работы автора над этим сочинением. Они зависели от идейно-политической конъюнктуры 20–30-х гг. IV в., прежде всего – от смены акцентов в политике Константина I, изменений в презентации его власти и его образа как правителя, ведомого высшими силами. Огромную роль сыграли здесь и «убийства принцев» летом 337 г., и неопределенность в выборе сыновьями покойного императора политического курса. Все эти факторы, как и законы самого жанра христианского жизнеописания, влияли на подбор источников для написания трактата, среди которых первое место заняли отнюдь не апелляции к Библии, а более ранние сочинения самого Евсевия и государственная документация, где, в свою очередь, первенство принадлежало письмам, посланиям и рескриптам Константина.

Козлов А. С. Проблема аутентичности трактата *Vita Constantini* // ДАИС. Екатеринбург, 2016. Вып. 16. С. 120–133.

Кривушин И. В. Ранневизантийская церковная историография. СПб., 1998.

Barnes T. D. *Constantine and Eusebius*. Cambridge (Mass.); London, 1981.

Barnes T. D. *Panegyric, History and Hagiography in Eusebius' Life of Constantine* // *The Making of Orthodoxy: Essays in Honour of Henry Chadwick* / ed. R. Williams. Cambridge, 1989. P. 94–123.

Barnes T. D. *The Two Drafts of Eusebius' "Life of Constantine"* // Barnes T. D. *From Eusebius to Augustine. Selected Papers 1982–1993*. Aldershot, 1994. Nr 12. P. 1–11.

Barnes T. D. *Two speeches by Eusebius* // *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1977. Vol. 18. P. 341–345.

Burgess R. W., Witakowski W. *Studies in Eusebian and Post-Eusebian Chronography*. I: The *Chronici canones* of Eusebius of Caesarea: structure, content, and chronology, ad 282–325; II: The *Continuatio Antiochensis Eusebii*: A Chronicle of Antioch and the Roman Near East during the Reigns of Constantine and Constantius II, AD 325–350. Stuttgart, 1999.

Calderone S. *Eusebio e l'ideologia imperiale* // *Le trasformazioni della cultura nella tarda antichità*, 1 / ed. C. Giuffrida, M. Mazza. Rome, 1985.

Cameron Av. *Eusebius of Caesarea and the Rethinking of History* // *Triad Corda: Scritti in onore di Arnaldo Momigliano* / ed. E. Gabba. Como, 1983. P. 71–88.

Cameron Av. *Eusebius's Vita Constantini and the Construction of Constantine* // *Portraits: The Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire* / ed. S. Swain, M. Edwards. Oxford, 1997. P. 245–274.

Cameron Av., Hall S. G. *Eusebius, Life of Constantine*. Oxford, 2001. P. 395.

Corcoran S. *The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncements and Government ad 284–324*. Oxford, 1996.

Dörries H. *Das Selbstzeugnis Kaiser Konstantins*. Von Hermann Dörries. (= *Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen, Philologisch-historische Klasse*, 3. Folge, Nr 34). Göttingen, 1954.

Drake H. A. *What Eusebius Knew: The Genesis of the Vita Constantini* // *Classical Philology*. 1988. Vol. 83, Nr 1. P. 20–38.

Eusebius. Werke / Hrsg. E. Schwartz. Leipzig, 1903–1909. Bd. 2. H. 1–3.

Eusebius Werke, I. 1. *Über das Leben des Kaisers Konstantin* / ed. F. Winkelmann (*Die Griechischen christlichen Schriftsteller der ersten Jahrhunderte*, 7.1). Berlin, 1975.

Evans-Grubbs J. *Law and Family in Late Antiquity: The Emperor Constantine's Marriage Legislation*. Oxford, 1995.

Grant R. M. Eusebius as Church Historian. Oxford, 1980.

Pan. Lat. – Panegyriques Latins. Texte etabli et trad. par. ed. Galletier. P., 1949–1955. Vol. 1–3.

Hall S. G. Eusebian and Other Sources in the Vita Constantini, I // Logos: Festschrift für Luise Abramowski / ed. H. Brennecke et al. Berlin, 1993. P. 239–263.

Hall S. G. The Use of Earlier Eusebian Material in the Vita Constantini, I.58–59 // Studia Patristica. 1993. Vol. 24. P. 96–101.

Heikel I. A. Einleitung // Eusebius Werke. Bd. 1: Über das Leben Constantins. Constantins Rede an die heilige Versammlung. Tricennatsrede an Constantin / hrsg. I. A. Heikel (Die griechischen christlichen Schriftsteller. Bd. 7). Leipzig, 1902. S. I–CVII.

Jones A. H. M., Skeat T. C. Notes on the Genuineness of the Constantinian Documents in Eusebius' Life of Constantine // J. of Ecclesiastical History. 1954. Vol. 5. P. 196–200.

Kraft H. Kaiser Konstantins religiöse Entwicklung // Beiträge zur historischen Theologie / hrsg. G. Ebeling. Tübingen, 1955. Bd. 20. S. 160–201.

Lact. – Lactance. De la mort des persécuteurs; intr., texte critique, traduction, commentaire et index par J. Moreau. Paris, 1954.

Origo – König I. Origo Constantini. Anonymus Valesianus (Trierer Historische Forschungen, Bd. 11). Teil 1: Text und Kommentar. Trier, 1987.

Pasquali G. Die Composition der Vita Constantini des Eusebius // Hermes. 1910. Bd. 46. S. 369–386.

Pietri Ch. Constantin en 324. Propagande et théologie impériales d'après les documents de la Vita Constantini // Christiana respublica. Éléments d'une enquête sur le christianisme antique. (Publications de l'École française de Rome, 234). Rome, 1997. P. 253–280.

Seeck O. Die Urkunden der Vita Constantini // Zeitschrift für Kirchengeschichte, 1898. Bd. 18. S. 321–345.

Silli P. Testi Coslantiniani nelle fonte letterarie (Materiali per una Pakngenesi delle Costituzioni Tardo-Imperiali, $\frac{1}{3}$). Milan, 1987.

Tartaglia L. La forma letteraria della Vita Constantini di Eusebio die Cesarea // Forme letterarie nella produzione latina di IV–V secolo / ed. F. E. Consolino. Rome, 2003. P. 7–17.

Warmington B. H. Eusebius of Caesarea's Versions of Constantine's Laws in the Codes // Studia Patristica. 1993. Vol. 24. P. 201–207.

Warmington B. H. The Sources of Some Constantinian Documents in Eusebius' Ecclesiastical History and Life of Constantine // Studia Patristica. 1986. Vol. 18/1. P. 93–98.